

¹⁴ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 99.

¹⁵ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 634.

¹⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии. Вып. 16. СПб., 1917. С. 78–79, 88–89, 100, 110, 150, 195, 242, 291, 335.

¹⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 276–281.

¹⁸ *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 2. СПб., 1834. С.12.

¹⁹ *Мешетич Г.П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 55.

²⁰ Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н.Б. Голицына // Отечественная война в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 160.

²¹ Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964. С. 91–93.

²² *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 327.

²³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. С. 475–476.

²⁴ Поход русской армии против Наполеона... С. 142.

²⁵ Цит. по: *Орлов Н.А.* Война за освобождение Германии в 1813 г. // История русской армии и флота. Т. IV. М., 1911. С. 72.

²⁶ *Богданович М.* История войны за независимость Германии. Т. II. СПб., 1863. С. 543–545.

²⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. С. 455.

²⁸ Поход русской армии против Наполеона... С. 103.

²⁹ *Казаков И.М.* Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. № 3. С. 530.

³⁰ Поход русской армии против Наполеона... С. 115–116.

³¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 239.

³² *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года. С. 366.

«Война, полезная для нас и гибельная для неприятеля»

© 2012 г. Л.Л. ИВЧЕНКО*

М.И. КУТУЗОВ И ТЕОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА XVIII–XIX ВЕКОВ

Биографии генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского (1745–1813) можно сравнить с живописными полотнами, на которых детально проработан первый план, но почти отсутствует второй. Это своего рода портреты «героя вне времени». Неудивительно, что иные небеспристрастные ученые, увлеченные «демифологизацией истории», пытаются даже поставить под сомнение «истинный масштаб личности Кутузова»¹. Исследователи его деятельности традиционно уделяют основное внимание эпохе наполеоновских войн, то есть последнему десятилетию жизни Кутузова, хотя его полководческий почерк сложился еще в царствование Екатерины II. В наши дни XVIII век, по словам О.Г. Чайковской, «стал представляться некой заводью, неким голубо-розовым интерьером, населенным... пудренными париками, красными каблуками, атласными кафтанами и

* **Ивченко Лидия Леонидовна**, кандидат исторических наук, главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва».

учтывыми менуэтами». «А между тем в XVIII веке шла своя, очень живая духовная работа, – пишет исследовательница про это “живое, горячее, разорванное противоречиями” время. – Любопытен был XVIII век, любознателен, все занимало его и тешило, все, что делается на белом свете, хотелось ему знать. Он шагал семимильными шагами, радостно впитывая в себя знание о мире и о самом себе»². Кутузов в полной мере принадлежал своему времени. «Он имел обширные сведения в политике и дипломатике, – указывал со слов очевидцев один из первых его биографов. – Сим наукам посвящал он не только лета юности, но даже и свободные часы от службы своей и в старости, при разнообразных занятиях и важных упражнениях»³. Особый склад ума Кутузова позволял ему постоянно держать в памяти огромный поток информации, которую он анализировал, сопоставлял, выбирая нужное в сложившейся ситуации решение.

Русское военное искусство испытывало тогда сильное влияние западных канонов. Но, как справедливо отметил Е.В. Анисимов, «причастность к семье европейских народов в середине XVIII века воспринималась в России не только как копирование европейских обычаев, быта, культуры, но и как осознание своего равенства с членами этой семьи, а следовательно, осознание собственной значимости, ценности как нации, не лишенной способности и сил “соревноваться в образованности” с развитыми народами»⁴. В последней трети XVIII в. русская армия заслуженно считалась одной из лучших в Европе. «Я должен только удивляться воинственной нации во всем свете, — писал австрийский фельдмаршал принц Ш. де Линь кн. Г.А. Потемкину, обратившемуся к нему за советом, какие изменения необходимо провести в войсках, – и могу сообщить одни маловажные перемены, которые предполагая сделать в армии, торжествовавшей над всеми своими врагами с самого начала нынешнего столетия, в которое время урок, данный Карлу XII, сделал ее непобедимой. ...Русские очень способны ко всему; я нигде не видывал им подобных»⁵. Кстати, принц де Линь, прибывший в 1788 г. под стены Очакова в качестве представителя союзной армии, назвал М.И. Кутузова в числе военачальников, подающих большие надежды: «Кроме множества достойных генералов, отличившихся храбростью и талантами, как например, князь Репнин, соединяющий в себе все добродетели, князь Юрий Долгорукий, Текелли, графы Салтыков и Пушкин, пылкий Каменский и щастливый Суворов, внушающий во всех доверенность, вы имеете и других, которые могут служить с великою пользою, например: принц Ангальт, Кутузов, Волконский, Горич, Ферзен, ваш племянник, князь Сергей Голицын, Шпренгпортен»⁶.

В XVIII в., по словам Г. Дельбрюка, в Европе преобладали и сталкивались две концепции ведения войны. Руководствуясь «стратегией измора», «полководец выбирает от момента к моменту, добиваться ли ему намеченной цели путем сражения или же маневра, так что его решения непрерывно колеблются между обоими полюсами маневра и сражения». В то же время «этой стратегии противопоставляется другая, которая направлена на то, чтобы атаковать неприятельские вооруженные силы, их сокрушить и подчинить побежденного воле победителя – стратегия сокрушения»⁷. Опираясь на собственный военный опыт, знаменитые полководцы в своих сочинениях на протяжении нескольких столетий вели заочный спор, начатый еще в классическом труде Н. Макиавели «О военном искусстве». Макиавели видел «цель всякого войска и смысл труда, потраченного на его обучение», в том, «чтобы оно могло заставлять противника принять бой и победить». И в то же время он же утверждал, что «хороший полководец никогда не решится на бой, если его не вынуждает необходимость или заманчивый случай», и «лучше сокрушить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше дается счастьем, чем мужеством»⁸.

Макиавели стремился к обновлению военного дела путем изучения и восстановления античных традиций. Схожих взглядов в конце XVI в. придерживались знаменитый военный деятель Нидерландов принц Мориц Оранский и его двоюродный брат Вильгельм Людвиг Нассауский, опиравшиеся преимущественно на трактат «Тактика императора Льва», появившийся в 1554 г. сначала в латинском, а потом в итальянском переводе. В XVIII в. это сочинение перевели на французский и немецкий языки. Принц

де Линь называл его бессмертным и сравнивал императора Льва с Фридрихом Великим (даже Цезаря он считал менее выдающимся полководцем)⁹. Военное поколение, к которому принадлежал Кутузов, полагало, что в истории все повторяется, и следует умело извлекать из нее уроки. Неудивительно, что в 1812 г., после оставления Москвы, Михаил Илларионович утешал себя сравнением с Петром I, который в упорной войне, умело сочетая «стратегию измора» со «стратегией сокрушения», одержал решительную победу над шведами¹⁰.

В рамках двух стратегических концепций решался и вопрос о роли генерального сражения в ходе кампании: одни считали его кратчайшим путем к миру, другие же были убеждены в том, что выиграть войну можно и не вступая в битву. «Тот, кто полагает, что может, не вступая в сражения, одерживать успехи и завоевать что-либо значительное, тот сам себе противоречит или, по меньшей мере, высказывает такое курьезное мнение, что оно поневоле вызывает насмешку, – считал гр. Р. Монтекукколи – один из любимых авторов А.В. Суворова. – ...Тот, кто выигрывает сражение, не только выигрывает кампанию, но и большой кусок территории. Поэтому лишь бы полководец сумел вступить в бой в хороших условиях, и ошибки, которые он раньше сделал в маневрировании, ему простятся; если ж он погрешил против учения о сражениях, то, хотя бы он в остальных подробностях проявил себя с хорошей стороны, все же не довести ему до конца войны с честью»¹¹. Тюренин полагал, что лучше наносить противнику как можно больше вреда в открытом поле, нежели осаждать и брать города. «Лучше разбить неприятеля зимою, нежели самому быть разбиту летом», – говорил принц де Линь, сочинения которого были изданы в России в 1809–1810 гг., как раз накануне вторжения Наполеона¹².

Наиболее ярким представителем «стратегии измора» был Фридрих Великий¹³. В письме к принцу Морицу Саксонскому он однажды заметил: «Фабий всегда может стать Ганнибалом; но я не думаю, чтобы Ганнибал мог следовать методу Фабия». «Конечно, бывают положения, в которых приходится давать сражение, – размышлял прусский король в 1759 г., в разгар Семилетней войны, о военных походах Карла XII, – но вступать в него надо лишь тогда, когда можешь потерять меньше, чем выиграть»¹⁴. Впрочем, ошибкой было бы считать «стремительного короля» не способным к решительным действиям: если в теории он отдавал предпочтение маневрированию, то на практике, особенно в Семилетнюю войну, склонялся «к полюсу сражения». С течением времени армии становились все более и более многочисленными и «тяжеловесными», их все труднее было содержать в мирное время и обеспечивать всем необходимым в период войны. «Не я командую, – говорил Фридрих II, – а мука и фураж». Наполеон придерживался правила «кормиться с земли», но, как отмечал позднее А. Жomini, вскоре выяснилось, что «в национальных войнах, где население спасается бегством и уничтожает все на пути врага, как это было в Испании, Португалии, России и Турции, невозможно продвигаться вперед без сопровождения обозов с продовольствием и не имея надежной базы снабжения вблизи фронта операций»¹⁵.

Когда 16-летний М.И. Кутузов был выпущен из Инженерно-артиллерийской школы в армию, заканчивалась Семилетняя война, и «скоропостижный король» Пруссии, являвшийся не только полководцем, но и выдающимся государственным деятелем, привлекал всеобщее внимание. Вся Европа зачитывалась его сочинениями «Антимаккиавелли» (1739), «О различных родах правления и обязанностях монархов», «История моего времени» (1746), «Записки Бранденбургского дома», «Сочинения философа из Сан-Суси» (1751). «Его гений и его мужество не только совсем не ослабевали, но почерпнули себе новую жизнь в своих неудачах», – писал впоследствии о Фридрихе Великом аббат Деннин. Выписав эти слова, Екатерина II отметила: «Именно в его неудачах проявлялся его гений». «Следовало бы удивляться ему и стараться подражать», – полагала императрица¹⁶. Михаил Илларионович, который лично знал и Фридриха II, и австрийского фельдмаршала гр. Л.-И. Дауна, выигравшего у прусского короля битву при Колине, безусловно, осмыслил эту часть европейского военного опыта.

Опыт Фридриха II оставался еще актуальным и в конце XVIII – первой трети XIX в. «Истинные правила ведения войны – это те, которыми руководствовались семь великих полководцев, подвиги коих сохранила для нас история: Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих Великий», – заявлял Наполеон¹⁷. Знаменитый «косой боевой порядок», введенный Фридрихом II, упоминался в наполеоновской реляции об Аустерлицком сражении. «На Потсдамских парадах старик Фридрих хихикал себе под нос над пристрастием молодых офицеров, – французов, англичан, австрийцев – к маневру в косвенном порядке, годному лишь на то, чтоб некоторые плац-адъютанты составили себе имя, – писал Наполеон на острове Св. Елены. – При глубоком изучении маневрирования за семь лет войны, этим офицерам следовало бы понять, в чем тут дело, а окончательно рассеять их очарование должно было то, что Фридрих всегда маневрировал линиями с захождением фланга и никогда не сводил маневра к простому развертыванию фронта»¹⁸. В 1840-е гг. в знаменитом труде А. Жомини «косой боевой порядок» все еще рассматривался в числе «действующих» двенадцати построений.

Современники часто сравнивали Наполеона с Фридрихом II. «Он находился постоянно в движении, не мог ни минуты простоять на месте, но говорил очень мало, – вспоминал В.И. Лёвенштерн, – часто нюхал табак и, как будто сгорая от нетерпения, то закладывал руки за спину, то скрещивал их на груди. Не знаю, подражал ли он Фридриху Великому или просто был нетерпелив, но я видел, что он брал табак из кармана, не трудясь достать для этого табакерку»¹⁹. «Между сими двумя персонажами много сходного, – писал про прусского короля и французского императора Ж. де Местр. – Если отнять у одной стороны (или прибавить к другой) тот королевский ореол, который в большей или в меньшей степени окружает истинного монарха, равенство их будет полным. ...Такие характеры совершают чудеса, когда дует на них попутный ветер, но подвержены величайшим и непоправимым ошибкам. ... Здесь-то моральные качества фельдмаршала [Кутузова] и послужили на пользу его Отечества. Неудивительно, что, будучи хитрейшим из людей, он обманул Наполеона»²⁰.

В то же время двойственность теории и практики делала наследие Фридриха II неприемлемым для А.В. Суворова – последовательного сторонника «стратегии сокрушения». В отечественной историографии не принято было реконструировать становление военно-теоретических взглядов полководцев, и Кутузова часто называли учеником Суворова, хотя современники считали их скорее соперниками²¹. Ближайшие же наставники М.И. Кутузова, П.А. Румянцев и Г.А. Потемкин, опирались скорее на идеи французского полководца и военного теоретика гр. Морица Саксонского – «удивительного маршала» с общеевропейской известностью (принц де Линь даже называл военное искусство «наукой Морицов»), старшего из 354 признанных незаконнорожденных детей саксонского курфюрста и польского короля Фридриха Августа²². Одну из глав в своих «Мечтаниях» граф Мориц де Сакс назвал «Слово против генерального сражения». «Я не сторонник генеральных сражений, особенно в начале войны, – признавался он. – И убежден, что умелый полководец может воевать без них всю жизнь. Ничто так не уменьшает нелепые притязания врага, как подобный метод ведения войны; ничто не продвигает дела лучше. Частые малые бои рассеивают силы противника, и, в конце концов, он будет вынужден отступить. Я не говорю, что, когда появляется благоприятная возможность сокрушить противника, его не надо атаковать или что не надо извлекать выгоду из его ошибок. Но я хочу сказать, что можно воевать, не оставляя ничего на волю случая. И это высшая точка совершенства полководческого искусства»²³. Кутузов, быть может, как никто другой соответствовал тем качествам и принципам поведения главнокомандующего, на которые указывал в свое время де Сакс: «Главным его качеством является мужество. Без мужества остальные достоинства представляют небольшую ценность, поскольку не могут быть использованы. Второе – незаурядный ум и, если можно сказать, своеобразная хитрость. ...Генералов, находящихся в его подчинении, следует считать некомпетентными, если они не умеют исполнять его приказы и осуществлять маневры с вверенными им дивизиями. Надо сделать так, чтобы

главнокомандующему не приходилось заниматься этими вопросами и затруднять себя другими мелочами. Ведь если ему придется выполнять функции сержанта и всюду успевать самому, он будет похож на муху из басни, которая думала, что правит повозкой! Я бы хотел, чтобы в день битвы полководец ничего не делал. Его наблюдения будут от этого лучше, суждения более здравыми, и он лучше воспользуется ситуацией, в которой противник окажется во время боя»²⁴.

«Я всегда отмечал, – рассуждал граф, – что одна кампания уменьшает армию по меньшей мере на треть, а иногда наполовину, и что кавалерия к концу октября находится в таком жалком состоянии, что неспособна вести военные действия. Я бы предпочел дать войскам отдохнуть на квартирах или в казармах, беспокоя противника вылазками одиночных отрядов, а к концу длинной осады напасть на него со всеми своими силами. Полагаю, что этим я совершил бы выгодную сделку, заставив врага задуматься об отступлении, ибо ему было бы нелегко противостоять хорошо организованным и укомплектованным войскам. Вероятно, он был бы вынужден оставить свое снаряжение, пушки, часть кавалерии и все повозки. Эти потери на следующий год затруднят его появление на поле боя. Вероятно, он даже не осмелится появиться там снова»²⁵. Де Сакс был уверен в том, что «природа бесконечно сильнее человека», и спрашивал: «Почему же этим не воспользоваться?» Войну, по мнению Морица Саксонского, следовало вести до полного уничтожения неприятельской армии и завершать преследованием. «Ничто, – писал он, – не внушает такого ужаса и не наносит такого урона, как упорное преследование, потому что все потеряно. Чтобы восстановить разбитую армию, требуются существенные усилия, а кроме того, враг долго не будет вас беспокоить»²⁶.

В 1812 г. Кутузов действовал именно таким образом. Он также считал, что «дело идет не о славах выигранных только баталлий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии»²⁷. «Кутузов часто обвинялся за то, что он избегал дать сражение для разбития авангарда французской армии и в такое время, когда это было плодом самых глубоких размышлений и соображений его», – позже писал служивший при штабе полководца кн. А.Б. Голицын²⁸. Действительно, уже 20 и 22 сентября 1812 г. еще до прибытия в Тарутино, М.И. Кутузов в письмах курскому и калужскому городским головам В.А. Гладкому и И.В. Торубаеву точно предсказывал дальнейшую судьбу неприятеля: «Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоят ему неизбежно»²⁹. «Сражения, – утверждал впоследствии Жомини, – некоторыми авторами преподносятся в качестве главных и решающих характерных особенностей войны. Строго говоря, это утверждение не совсем верно, поскольку армии уничтожаются стратегическими операциями без заранее подготовленных на определенном участке сражений, чередой, казалось бы, незначительных предприятий»³⁰.

Один из главных критиков М.И. Кутузова в 1812 г., М.Б. Барклай де Толли в своих «Оправдательных письмах» указывал в качестве конечной цели летней кампании победу в сражении при Царево-Займище. В случае неудачи он рассчитывал беспрепятственно уйти к Калуге, уводя неприятеля от Москвы. Однако осуществить это на практике было бы не так просто. «Вообще, действия, имеющие целью прикрыть столицу или другой пункт фланговыми маневрами, требуют выделения особого корпуса и влекут за собой все невзгоды, сопряженные с раздроблением сил при действиях против сильнейшего неприятеля, – отмечал впоследствии Наполеон. ...Он (Кутузов. – Л.И.) продолжил свой марш и прошел через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы вместо того он отступил к Киеву, то увлек бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту столицу. Подобные вопросы весьма смутили бы Тюренна, Виллара, Евгений Савойского. Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, – есть удел невежества. Это все равно, что решать с помощью уравнений второй степени задачу из высшей математики, которая заставила бы побледнеть Лагранжа и Лапласа. Все такие вопросы из области высшей тактики суть неопределенные физико-математические задачи, которые допускают несколько решений, но только не посред-

ством формул элементарной геометрии»³¹. «А ваша хитрая лиса Кутузов ловко поддел меня своим фланговым движением», – признал император в 1814 г. в разговоре с генерал-майором К.М. Полторацким, попавшим в плен в сражении при Шампобере³².

Уже в 1805 г. в Австрии Кутузов говорил о необходимости избегать генеральных сражений и затягивать войну против Наполеона. После капитуляции главных сил австрийцев под Ульмом ему удалось спасти малочисленную русскую армию и остатки союзных войск от неминуемого поражения³³. Если бы Кутузова фактически не отстранили от командования войсками накануне битвы при Аустерлице, кампания, вероятно, принесла бы ему славу. По словам британского исследователя, «незавидная судьба Макка вполне могла бы тогда постигнуть самих французов»³⁴. «Чем далее завлечем Наполеона, – настаивал русский полководец на знаменитом военном совете в присутствии императоров Александра I и Франца II, – тем будет он слабее, отдалится от своих резервов и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов»³⁵. Как свидетельствуют документы, Кутузов смолоду отлично ориентировался на театре военных действий и имел безошибочный глазомер. Даже враждебно настроенный к нему генерал А.Ф. Ланжерон признавал: «Кутузов участвовал во многих сражениях и получил уже тогда настолько опыта, что свободно мог судить о плане кампании, так и об отдаваемых ему приказах. ... Ему легко было решить дело в затруднительном положении»³⁶.

О стратегическом глазомере Кутузова свидетельствует и его частная переписка 1806–1807 гг. «Сначала вот Вам копия письма г. Беннигсена, написанного в Гродно, – писал он 11 февраля 1807 г. после битвы под Прейсиш-Эйлау адмиралу И.И. де Траверсе. – В ней Вы прочтете о генеральном сражении, имевшем место 29-го числа. Как видите, Бонапарт был отброшен; мне только не нравится, что он обошел наше правое крыло; как видите, он хочет проскользнуть между Кенигсбергом и нашей армией; но я думаю, что Беннигсен от этого побережится»³⁷. В то время как Беннигсен был полностью удовлетворен тактическим успехом, Кутузов, находясь вдали, в своем имении, видел, что Бонапарт одним движением может перехватить коммуникацию, загнав его старинного приятеля в капкан. «Наполеон, совершая марш от реки Нарев мимо Алленштейна на Прейсиш-Эйлау, оставлял за своим левым флангом Торн, а далее от фронта армии имел предмостные укрепления Праги и Варшавы. Таким образом, его коммуникации были в безопасности, в то время как Беннигсен, вынужденный противостоять ему и устроить свой фронт параллельно Балтике, мог быть отрезан от своей базы и отброшен назад к устью Вислы», – писал позднее об оплошности Беннигсена Жомини³⁸. По его словам, «Беннигсен чуть было не потерял русскую армию, разместив ее в 1807 году в Кенигсберге из-за того, что город был удобен для снабжения»³⁹. Между тем, Беннигсен, проигравший битву при Фридланде, был не только первым советником, но и яростным критиком действий Кутузова в 1812 г.

В 1811 г., став главнокомандующим Дунайской армией, Кутузов изложил императору свои стратегические соображения, с помощью которых полководец рассчитывал «за один поход достигнуть мира на желаемых условиях». Михаил Илларионович писал о грядущем успехе с такой уверенностью, что впоследствии А.И. Михайловский-Данилевский не мог скрыть своего изумления и восторга. «И все предположения сбылись точно так, как Кутузов предвидел!» – констатировал он⁴⁰. Нанеся поражение великому визирию, Кутузов неожиданно для турок оставил Рушук и перешел на левый берег Дуная⁴¹. «Не в Рушук важность, – полагал он. – Главное дело состоит в том, чтобы заманить визиря на левый берег Дуная. Увидя наше отступление, он наверняка пойдет за нами»⁴². До конца своих дней полководец не боялся брать на себя ответственность в самых рискованных ситуациях, поэтому-то так странно выглядели предположения некоторых отечественных авторов, будто ему не хватало силы воли и характера в принятии смелых решений. При этом его действия определялись строгой и стройной логикой: для заключения мира с Турцией требовалось разбить армию визиря, которой следовало навязать сражение, а для этого необходимо было пожертвовать Рушуком. Между тем, как отмечал А.Н. Попов, «не только в Константинополе сражение при Рушук праздновали как победу над русскими, но отступление на левый берег Дуная наших войск,

как в Петербурге, так и в Париже, произвело впечатление и заставило усомниться в одержанной Кутузовым победе»⁴³. «У вас была резня с турками под Рушуком, – сказал тогда Наполеон А.И. Чернышеву во время приема дипломатического корпуса в Тюильри. – ...Ваш главнокомандующий сделал ошибку, поставив войска слишком далеко от города, к которому в случае нужды пришлось бы ему отступать»⁴⁴. Через четыре месяца, узнав о разгроме армии великого визиря под Силистрией, Наполеон негодовал: «Поймите этих собак, этих негодяев турок, которые сумели дать себя разбить таким образом! Кто мог это предвидеть и этого ожидать?»⁴⁵. Однако Кутузов это ожидал и предвидел. В результате война с Турцией, так же, как затем Отечественная война 1812 года, завершилась полным истреблением армии неприятеля.

«Старорежимный» полководец в 1812 г. доказал и свою способность учитывать опыт новейших времен, побеждая неприятеля его же оружием. «Бонапарте, – писал Жomini, – достигнув в 1805 году Донаверта и Леха, поставил всю свою армию на сообщениях Макка с Веною, чрез которую единственно мог сей генерал пройти в Богемии для соединения с российской армиею. ... Сие же действие повторено было русскою армиею в 1812 году движением на Калугу и Красный»⁴⁶. По словам Жomini, «когда Наполеон уходил из Смоленска..., части его армии отделял друг от друга целый дневной переход». «Он совершил тем самым огромную ошибку, – отмечал генерал, – потому что противник не следовал за его арьергардом, а двигался по боковой дороге, которая приводила его, почти перпендикулярно, к самой середине разделенных французских корпусов. Три роковых дня у Красного стали результатом всего этого»⁴⁷. Трехдневная битва под Красным убила в армии Наполеона волю к сопротивлению и окончательно уничтожила в ней остатки дисциплины.

При характеристике представлений М.И. Кутузова о тактике необходимо учитывать его участие в организации егерских частей. 23 мая 1785 г. президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал кн. Потемкин-Таврический подписал ордер о назначении генерал-майора Голенищева-Кутузова командиром Бугского егерского корпуса, «составленного из четырех батальонов команды господина полковника и кавалера Воеводского, а именно: 1-го и 2-го егерских, 2-го мушкетерского Белорусского и 4-го Харьковского». «Имеется по тому, – говорилось в приказе, – немедленно отправиться в наместничество Екатеринославское, и, приняв в Вашу команду помянутые батальоны, составить корпус Бугской. Употребите всемерное старание о скорейшем вооружении вверенного Вам корпуса, так и снабжения всем по штату егерскому»⁴⁸. Созданию егерских корпусов – отборной пехоты, способной действовать в рассыпном строю, умеющей метко стрелять и обученной приемам индивидуального боя – Потемкин придавал большое значение⁴⁹. Ни одна европейская армия не имела тогда таких частей, а Фридрих II, который одним из первых начал их формировать, довольствовался небольшими по численности егерскими командами при пехотных полках. Как пишет Ю.Н. Гуляев, «многое из того, чему нужно было научить егерей, делалось впервые и егерями, и их командирами»⁵⁰. Во вновь сформированных егерских батальонах шли бесконечные полевые учения: войска учились тактическим перестроениям, действиям в рассыпном строю, упражнялись в стрельбе. Все, чему следовало обучать егерей, было подробнейше изложено Кутузовым в 1786 г. в «Примечаниях о пехотной службе вообще и о егерской особенно». В них он обобщил свой практический опыт. По этим правилам, разработанным Кутузовым четверть века назад, русские егеря сражались и в 1812 г.⁵¹

В «век военных споров», как назвал XVIII столетие Г.Р. Державин, М.И. Кутузов раскрылся как незаурядный полководец и дипломат. Из своего боевого и житейского опыта он вынес твердую уверенность в том, что война тесно связана с политикой, ее цели всегда должны соразмеряться со средствами, военные обстоятельства могут изменяться дипломатическими решениями, а выигранные сражения и победоносно оконченная война – далеко не одно и то же. В начале XIX в. Кутузова со всех сторон теснили более молодые и энергичные представители новой эпохи, однако, «пережив многое и многих», он до конца своих дней оставался «действующим» полководцем. «Величественный обломок минувших царствований», он неизменно производил на

собеседников впечатление «государственного человека». «Часто в великолепных здешних собраниях, где бывают почти все знаменитые люди Европы, смотрю я на наших со вниманием, перебираю в мыслях заслуги и подвиги их, вслушиваюсь в разговоры министров и генералов и всегда в сокровенности мыслей говорю сам себе: “Смоленский был славнее вас”», – писал в своем «Журнале» в 1814 г. во время Венского конгресса бывший адъютант Кутузова и будущий военный историк Михайловский-Данилевский⁵². «Походы великих полководцев всегда имеют в основании светлую мысль, постепенно приводимую ими в действие. Но различными способами, судя по нравственным свойствам полководцев, – рассуждал Михайловский-Данилевский. – Одни, как Наполеон и Суворов, устремляются вперед, разрушая всяческие преграды, доверяя своей звезде; другие, в том числе Кутузов, подвергая каждый шаг расчету, устраняя сколько можно влияние случайностей на свои действия, ожидая для разгрома неприятелей времени, когда изготоятся все к тому средства»⁵³. «Светлейший князь Голенищев-Кутузов, – писал А. Петров, – умел соединить в себе две совершенно, по-видимому, несовместимые черты характера – решительность и осторожность, которые он проявлял сообразно обстоятельствам, в которых находился, не гоняясь за блеском победы, но везде руководствуясь расчетом, к ней ведущим. Такой образ действий возможен только при условии обладания тонкой проницательностью, столь ему свойственной, позволявшей далеко видеть в будущем последствия принимаемых мер»⁵⁴.

Примечания

¹ *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 6. Подробнее см.: *Ивченко Л.Л.* Не братья по славе? Историография 1812 года: нынешнее состояние // *Родина*. 2012. № 6. С. 9–16.

² *Чайковская О.Г.* «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 2001. С. 6.

³ *Картина жизни, военных и политических деяний его светлости князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского*. М., 1813. С. 13.

⁴ *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века // *В борьбе за власть*. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 540.

⁵ *Избранные философические, политические и военные творения принца де Линя*. Т. 5. М., 1810. С. 18–21.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ *Дельбрюк Г.* Всеобщая история военного искусства. М., 2008. С. 694.

⁸ *Макиавелли Н.* О военном искусстве // *он же*. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 539–540.

⁹ *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 704.

¹⁰ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Щукиным. Ч. 8. М., 1904. С. 271.

¹¹ *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 758–759.

¹² Письма, мысли и избранные творения принца де Линя. Т. 1. М., 1809. С. 11.

¹³ *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 760.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Жомини А.* Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С. 148.

¹⁶ Цит. по: *Кони Ф.А.* Фридрих Великий. Ростов н/Д., 1997. С. 536.

¹⁷ Наполеон Бонапарт. Искусство войны: императорские максимы. М., 2009. С. 384.

¹⁸ Там же. С. 292.

¹⁹ *Левенштерн В.И.* Записки // *Русская старина*. 1909. Кн. 3. С. 508–509.

²⁰ *Местр Ж. де*. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 238–239.

²¹ *Русские анекдоты военные, гражданские и исторические*, изданные Сергеем Глинкою. М., 1820. С. 72; *Фукс Е.* Сочинения. СПб., 1827. С. 153–159.

²² *Лопатин В.С.* Потемкин и Суворов. М., 2002. С. 62.

²³ *Мориц Саксонский*. Теория военного искусства. М., 2009. С. 140.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ Там же. С. 97.

²⁶ Там же. С. 141.

- ²⁷ Бородино. Документы. Письма, воспоминания. М., 1962. С. 102.
- ²⁸ Цит. по: *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011. С. 196.
- ²⁹ *Кутузов М.И.* Письма, записки. М., 1989. С. 346–347.
- ³⁰ *Жomini А.* Критическая и военная история революционных походов, служащая продолжением рассуждения о великих военных действиях. Ч. 8. СПб., 1817. С. 262.
- ³¹ Наполеон Бонапарт... С. 383.
- ³² Политика и стратегия в Отечественную войну 1812 года // Военный сборник. 1901. Кн. 4. С. 7.
- ³³ Это признаёт даже восторженно относящийся к Наполеону исследователь: *Соколов О.В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805. Т. I. М., 2006. С. 234.
- ³⁴ *Кили К.* Командование // Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792–1815. М., 2009. С. 153.
- ³⁵ *Бутовский И.* Фельдмаршал Кутузов. СПб., 1858. С. 52.
- ³⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 327.
- ³⁷ Там же. С. 101–102.
- ³⁸ *Жomini А.* Стратегия и тактика... С. 95.
- ³⁹ Там же. С. 157.
- ⁴⁰ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в царствование Императора Александра с 1806 по 1812 год. СПб., 1843. С. 283.
- ⁴¹ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. М., 2008. С. 244–245.
- ⁴² *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны... С. 283.
- ⁴³ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 243–244.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 276.
- ⁴⁶ *Жomini А.* Критическая и военная история... Ч. 8. С. 277.
- ⁴⁷ Там же. С. 247.
- ⁴⁸ Цит. по: *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 89–90.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Лопатин В.С.* Указ. соч. С. 94.
- ⁵⁰ Там же. С. 91.
- ⁵¹ *Ульянов И.Э.* 1812. Русская пехота в бою. М., 2008. С. 65; Тактика победы // Михаил Илларионович Кутузов. М., 2011. С. 7–34.
- ⁵² *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 122.
- ⁵³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 год. СПб., 1843. С. 298.
- ⁵⁴ *Петров А.* К биографии Светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского // Военный сборник. 1900. № 3. С. 1.

© 2012 г. А.И. ПОПОВ*

«СКИФСКАЯ ВОЙНА» 1812 ГОДА

Среди основных причин гибели Великой армии в Отечественной войне 1812 года западные историки называли природно-климатические условия России и ошибки Наполеона, российские – сначала Промысел Божий и единение сословий вокруг престола, а затем – партизанскую и народную войну (в советской историографии партизанские действия рассматривались как часть народной войны). Все отечественные исследователи также считали, что одним из факторов победы являлись «скифская тактика» и «скифский план» российского командования. Однако истинные масштабы применения «скифской тактики» и ее влияние на исход противоборства двух империй специально

* **Попов Андрей Иванович**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара).